
МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ*

Коданева С. И.**

Проблемы устойчивого развития обсуждаются на международном уровне более 50 лет. За этот период было принято несколько международных документов, сформулировавших цели и задачи устойчивого развития, а также обязательства государств в области снижения негативного воздействия человеческой деятельности на окружающую среду. Однако практического результата ни один из этих документов не дал. В статье анализируются причины этого и сделан вывод, что основная причина связана с тем, что концепция устойчивого развития, разработанная западными экспертами и опирающаяся на идеологическую модель западной цивилизации, содержит в себе структурные противоречия, присущие этой модели, и закрепляет неустойчивые практики, приведшие к нынешнему кризису. Необходим переход от «устойчивого» к «ответственному» развитию, основанному на разумной деятельности человека и равноправном диалоге между всеми цивилизациями. Институциональной основой для такого сценария развития может стать БРИКС.

Ключевые слова: устойчивое развитие, зеленый рост, глобализация, неолиберализм, цивилизации, изменение климата, традиционные ценности, традиционные практики, БРИКС.

INTERCIVILIZATIONAL DIALOGUE AS A BASIS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The problems of sustainable development have been discussed at the international level for more than 50 years. During this period, several international documents were adopted that formulated the goals and objectives of sustainable development, as well as the obligations of states in the field of reducing the negative impact of human activities on the environment. However, none of these documents yielded a practical result. The article analyzes the reasons for this and concludes that the main reason is due to the fact that the concept of “sustainable development”, developed by Western experts and based on the ideological model of West-

* **Для цитирования:** Коданева С. И. Межцивилизационный диалог как основа устойчивого развития // Век глобализации. 2024. № 1. С. 149–159. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.12.

For citation: Kodaneva S. I. Intercivilizational Dialogue as the Basis for Sustainable Development // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 149–159. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.12 (in Russian).

** Коданева Светлана Игоревна – к. ю. н., в. н. с. Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: kodanevas@gmail.com.

Svetlana I. Kodaneva – Ph.D. in Law, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS. E-mail: kodanevas@gmail.com.

ern civilization, contains structural contradictions inherent in this model and reinforces unstable practices that have led to the current crisis. There is a need for a transition from “sustainable” to “responsible” development based on reasonable human activity and equal dialogue between all civilizations. BRICS can become the institutional basis for such a development scenario.

Keywords: *sustainable development, green growth, globalization, neoliberalism, civilizations, climate change, traditional values, traditional practices, BRICS.*

Введение

Дискуссии об ограниченности ресурсов и экологических последствиях человеческой деятельности получили широкое распространение начиная с 1960-х гг. благодаря таким ключевым публикациям, как «Трагедия общих ресурсов» Г. Хардина.

В 1972 г. были опубликованы два значимых документа: Стокгольмская декларация и доклад Римскому клубу «Пределы роста». Однако в этих документах более ранние дискуссии о несовместимости сохранения неограниченного экономического развития с ограниченными возможностями экосистемы Земли были вытеснены на второй план идеей о возможности сочетания экономического роста и устойчивого развития. Связано это было как с тем, что бизнес развитых стран не собирался отказываться от экономического роста ради «абстрактных» целей предотвращения нарастания экологических проблем, так и с опасениями развивающихся стран, что в случае признания важности этих «абстрактных» целей именно на них возложат ответственность за нарастание экологических проблем, потребовав остановить индустриализацию и, соответственно, экономическое развитие. Поэтому был найден компромисс в виде идеи о том, что принятие Стокгольмской декларации отвечает интересам развивающихся стран, поскольку может помочь им избежать дорогостоящих ошибок, допущенных промышленно развитыми странами в ходе их экономического и социального развития [Arsel 2020].

Таким образом, с помощью этой риторической уловки экологические проблемы, связанные с индустриализацией, были сведены к статусу исправимых ошибок, а не структурных особенностей развивающейся индустриальной экономики.

В 1987 г. доклад ООН «Наше общее будущее» с помощью очередной риторической уловки нивелировал признание разного вклада развитых и развивающихся стран в проблемы изменения климата и исчерпания ресурсов планеты, объединив геологическое понятие «единой земли» с политической концепцией «единого мира» и тем самым разделив ответственность за возникновение кризиса и за будущее планеты между всем человечеством. При этом ставилась амбициозная цель – устойчивое развитие, отвечающее интересам как будущих, так и нынешнего поколения. В реальности же этот документ уже вполне отчетливо сформулировал идею продолжения экономического роста как панацеи от проблем долгосрочного устойчивого развития человечества. Это означало «более быстрый экономический рост как в промышленно развитых, так и в развивающихся странах, свободный доступ на рынки для продукции развивающихся стран, более низкие процентные ставки, более широкую передачу технологий и значительно бóльшие потоки капитала, как льготного, так и коммерческого характера» [Оун...: 89]. Этот недиф-

ференцированный акцент на необходимости дальнейшего роста является нитью, которая соединяет Стокгольмскую декларацию и современные концепции зеленого роста и устойчивого развития.

В рамках Саммита Земли в Рио-де-Жанейро в 1992 г. было принято несколько знаковых документов, таких как Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Декларация по окружающей среде и развитию, содержащая основные принципы экологического права, Конвенция о биологическом разнообразии, а также Повестка дня на XXI век (программа по реализации национальными правительствами концепции глобального устойчивого развития). Однако, несмотря на всю значимость принятых документов, особенно последнего, эффект они имели незначительный. При этом предполагалось, что экология – отдельная проблема, решить которую можно будет после того, как развивающиеся страны достигнут достаточно высокого уровня экономического развития.

Еще больший акцент на экономическое развитие (для развивающихся стран) и экономический рост (для развитых стран) стал ставиться после финансового кризиса 2008 г., когда широкое распространение получили концепции зеленого роста и зеленой экономики. Основными их проводниками были три международные организации: ОЭСР, ЮНЕП и Всемирный банк.

Так, ЮНЕП в 2008 г. выдвинула инициативу «Зеленая экономика» и год спустя призвала к глобальному «зеленому новому курсу». В 2009 г. ЮНЕП опубликовала доклад «На пути к “зеленой” мировой экономике», который способствовал распространению данной концепции по всему миру. В этом же году ОЭСР опубликовала Декларацию зеленого роста, а в 2011 г. – пакет стратегий по его достижению, разработанный в рамках подготовки к конференции «Рио+20», которая состоялась в июне 2012 г.

В 2012 г. эксперты Всемирного банка и Международного банка реконструкции и развития опубликовали доклад «Инклюзивный зеленый рост: путь к устойчивому развитию». Во время конференции «Рио+20» эти организации объединились с Глобальным институтом зеленого роста для создания платформы знаний о зеленом росте в качестве инструмента продвижения этой стратегии по всему миру.

Сформулированные ими определения зеленой экономики и зеленого роста сформировали основу для последующей концепции, состоящую из трех ключевых пунктов: примат частной инициативы над государственным регулированием (компании сами должны реализовывать концепции корпоративной социальной ответственности и ESG); предположение о том, что только сохранение существующих темпов и тенденций экономического роста позволит решить социальные и экологические проблемы; и технократический подход (утверждение о том, что новые технологии позволят решить экологические проблемы).

Наконец, в 2015 г. была принята Повестка дня в области устойчивого развития, в которой нашли отражение 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития. От более ранних документов Повестка отличалась как масштабностью охвата (обозначенные в ней цели и задачи в равной мере актуальны как для развитых, так и для развивающихся стран), так и тем, что впервые основное внимание было уделено экологическим целям (10 целей из 17).

Цивилизационные основы концепций устойчивого развития и зеленого роста

Как можно видеть, экологические и социальные проблемы, угрожающие устойчивому мировому развитию, декларируются на международном уровне уже более 50 лет. Однако, как следует из доклада ЮНЕП 2019 г. «Шестая глобальная экологическая перспектива», экологическая ситуация в мире ухудшается, и времени на решения и действия остается все меньше. Из 90 пунктов разнообразных планов по борьбе с изменением климата достичь удалось только четырех [Шестая... 2019].

Точно так же не удалось решить проблемы бедности и социального расслоения, которые еще больше усугубились в результате кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Причем расслоение усиливается не только внутри государств, но и между государствами и регионами мира.

В чем же причина неэффективности всех принимаемых мер? Представляется, что она коренится в самой концепции устойчивого развития, предложенной миру западными экспертами и опирающейся на цивилизационную модель западного индустриального общества, идеологическую основу которой образовал протестантизм с его духом индивидуализма и активным конкурентным началом. Соответственно, при разработке рассматриваемой концепции в качестве само собой разумеющейся идеологической основы была закреплена либеральная идеология с ее свободой рынка, представлением о важности постоянного экономического роста как фундамента устойчивого развития и основы решения всех остальных проблем, а также западоцентричностью.

Вместе с тем эмпирические данные показывают несостоятельность концепции зеленого роста, поскольку это чисто теоретическое построение, не опирающееся на эмпирические данные и не подтвержденное ими. Напротив, исследования показывают, что, например, ограничить повышение температур пределами 2°C можно только при условии роста мирового ВВП не более чем на 0,45 % в год [Nickel, Kallis 2020: 480].

В свою очередь, «устойчивость» (sustainability) не имеет не только эмпирической, но и четкой концептуальной основы. Если внимательно проанализировать Повестку дня в области устойчивого развития, то можно заметить, что слово «устойчивый», во-первых, используется в разных смыслах, а во-вторых, в основном носит декларативный характер, являясь, по сути, абстрактным, неизмеримым термином, не имеющим конкретных целевых показателей. Так, «устойчивый» используется в значениях «неистощимый», «устойчивые экосистемы» (применительно к ресурсам), «устойчивый рост» (применительно к экономике). При этом цели достижения экономической «устойчивости» прямо противоречат целям экологической «устойчивости» (например, устойчивый туризм или устойчивая индустриализация).

Применяемый в столь разных контекстах и значениях термин «устойчивость» превращается во внутренне противоречивую концепцию, не реализуемую на практике. Либо «устойчивость» используется просто как «популярное словечко», не несущее в себе никакого смысловой нагрузки.

Хотя проблема может быть гораздо глубже, и выбор термина здесь может оказаться неслучайным. Действительно, «устойчивость» в разных контекстах

можно понимать по-разному, что позволяет легко манипулировать этим термином, прикрывая им в том числе отнюдь не устойчивые практики неограниченного экономического роста за счет постоянного увеличения потребления. И более того, предлагать эти практики развивающимся странам как эталон, к которому следует стремиться, тем самым усиливая негативное воздействие на окружающую среду; требовать проведения «демократических» реформ, не учитывая цивилизационные различия, культурную и институциональную специфику развивающихся стран, проблему «следования пути».

В результате государства Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) столкнулись с резкими структурными трансформациями, к которым они оказались внутренне не готовы, поэтому новые институты создавались на старом фундаменте, включающем отсутствие подотчетности и прозрачности, технологическую отсталость, зависимость от внешней помощи, централизацию управления и т. д. В результате этого соединения «старого» и «нового» формируются противоречия и диспропорции, которые усиливают социальные проблемы [Global-Local... 2022].

Таким образом, «благие цели» достижения «устойчивости», на практике выражающиеся в попытке одной (западной) цивилизации поглотить все остальные, навязывая им свою идеологию и стандарты жизни, ведут к прямо противоположным последствиям, когда целые регионы мира оказываются в состоянии нестабильности и даже вооруженных конфликтов, которые приводят к резкому ухудшению как социально-экономического, так и экологического состояния соответствующих стран.

Усиливается структурное и медленное насилие, связанное с резким ухудшением экологической ситуации, прежде всего в странах глобального Юга. Это и добыча полезных ископаемых экологически опасными способами, практикуемая западными добывающими компаниями в Африке [Kaul *et al.* 2022]; и вред окружающей среде, причиняемый в результате вооруженных конфликтов, например выжигание лесов Амазонки в борьбе с повстанцами [Cusato 2021]; и деградация окружающей среды в результате изменения климата [McAdam 2022]; и «ресурсное проклятие», когда страны, богатые природными ресурсами, становятся целью для вооруженной агрессии, инициированной западными корпорациями, которым вооруженные конфликты облегчают доступ к ресурсам [Cusato 2021].

Характерно, что страны западной цивилизации развивают собственную зеленую экономику также за счет стран глобального Юга, что приводит к «зеленому колониализму» [Van de Graaf *et al.* 2020] и «токсичному колониализму» [McElligott 2020].

При этом ни концепция зеленого роста, ни концепция устойчивого развития не признают внутреннего структурного противоречия между стремлением к продолжению неограниченного экономического роста, характерным для исторического этапа становления индустриального общества, и практически уже достигнутым ресурсным пределом текущего уровня технологического развития. Требуются изменение моделей потребления, отказ от консюмеризма. Но даже при самом жестком сценарии массовое изменение потребительских паттернов и внедрение современных технологий позволит достичь только временного эффекта снижения антропогенного следа. Затем, как показывают многочисленные иссле-

дования, потребление материальных ресурсов и образование отходов снова начнут расти, а выбросы парниковых газов – увеличиваться [Nickel, Kallis 2020].

Все это приводит к тому, что западная цивилизация, стремясь доказать состоятельность предложенных подходов к устойчивому развитию и при этом сохранить в неприкосновенности навязанную всему миру неолиберальную модель, обеспечивающую для стран глобального Севера благополучие и постоянный экономический рост, прибегает к глубоко укоренившейся практике колониализма, перенесения всех издержек на страны глобального Юга и даже прямой военной агрессии.

Проявляется это по-разному, начиная от манипулирования статистическими данными с целью перекалывания вины за изменение климата на развивающиеся страны [Nickel, Kallis 2020] и заканчивая организацией цветных революций с заявленной целью «демократизации», а на деле – с целью дестабилизации политической ситуации в стране и погружения ее в хаос, чтобы получить беспрепятственный доступ к ее ресурсам [Handbook... 2022].

Здесь уместно вспомнить уже упоминавшегося Г. Хардина и его статью «Аргументы против помощи бедным» [Hardin 1975], в которой он сравнивает Землю со спасательной шлюпкой, оставленной тонущим кораблем. Для него идея «единого мира» – это попытка поместить всех пассажиров корабля в спасательную шлюпку, что равносильно массовому самоубийству. «Удачливые меньшинства» (по Хардину – американцы) должны защищать себя. Рост правого популизма во многих странах Запада, так же как Брекзит в Великобритании, показывает, что «этика спасательной шлюпки» Хардина по-прежнему актуальна.

В этой связи важно отметить, что причины роста правого популизма [Sharlamov 2022] и успех кампании за выход Британии из ЕС [Коданева 2021] во многом связаны с начавшимся в 2015 г. в Европе миграционным кризисом. В свою очередь, причины этого кризиса коренятся в описанной выше политике стран Запада, направленной на дестабилизацию ситуации в регионе БВСА.

Это заставляет задуматься о том, насколько долго странам глобального Севера удастся перекалывать издержки собственного роста на страны глобального Юга, учитывая, что глобализация настоящего времени стала воистину всеохватывающей – Земля действительно превратилась в «космический корабль», и вред, причиненный в одной части света, имеет отклик в остальных частях. Это и аномальная жара и засуха в Южной и Центральной Европе, которую мы наблюдали в последние годы, и усиление цунами с угрозой разрушения прибрежных городов в США, и рост терроризма, и миграционные волны и т. д.

От устойчивого к ответственному развитию – новая модель межкультурного диалога

Как было показано выше, западцентричная концепция устойчивого развития не только не позволяет достичь заявленных целей, но зачастую приводит к прямо противоположным результатам. Причем негативные эффекты изменения климата, истощения ресурсов и борьбы за них все чаще сказываются на самих странах Запада, что обусловлено особенностью современного этапа развития человечества – глобализацией, которая превратила мир в единое целое. Еще В. И. Вернадский писал, что «в XX в., впервые в истории Земли, человек узнал и охватил всю био-

сферу, закончил географическую карту планеты Земля, расселился по всей ее поверхности. Человечество своей жизнью стало единым целым» [Вернадский 1944]. Однако в полной мере эта связанность начала проявляться после окончания холодной войны. Конец XX в. стал началом новой эры быстрых и масштабных глобальных перемен. Отношения экономических сил после холодной войны поляризовались: глобальный Север больше не сдерживается постколониальным чувством вины, а с ослаблением глобального Юга он более свободно навязывает свои новейшие экономические идеологии южным странам. Это привело к широкому распространению в мире либеральной демократии и концепции свободного рынка.

Новые модели социальных отношений сделали понятие глобализации важной движущей силой человеческих отношений на всех уровнях и во всех сферах. Глобализацию сегодня очень часто называют продуктом неолиберального подхода в экономическом, социальном и политическом мышлении [см., например: Turning... 2022, Kaul *et al.* 2022, Morris 2022]. Это проявляется в тесной связи между интернациональными экономическими силами и неолиберальной трансформацией большого числа национальных экономик как в развитых, так и в развивающихся странах с начала 1990-х гг. Глобализация рассматривается как процесс, включающий и расширение, и углубление взаимозависимости между обществами и государствами во всем мире.

Однако, хотя неолиберальная теория концептуально позволяет объяснить причины возникновения глобализации, сама она имеет много недостатков: рыночная рациональность не функционирует должным образом, что приводит к хаосу, сговору и краху рынка, усиливаются социальные диспропорции, структурные дисбалансы и дефляция.

Западоцентричная глобализация подрывает демократию и демократические процессы. Национальный суверенитет все больше размывается, власть концентрируется в руках элит, корпораций и наднациональной бюрократии (например, евробюрократии), а граждане имеют все меньше возможностей влиять на решения, которые элиты принимают от их имени [Sharlamanov 2022].

Таким образом, неолиберализм представляет собой институциональный вакуум, и поиск институционального решения становится важным ввиду усугубляющегося социально-экономического и экологического состояния всего мира.

Выводы

Сегодня человечество стоит перед выбором двух возможных путей развития. Сохранение существующих трендов и продолжение развития в парадигме доминирования западной цивилизации рано или поздно приведет к полной концентрации власти в руках западных элит и управления человечеством посредством «мягкого права», сформированного транснациональными корпорациями. Это будет означать политическую монополию «мирового правительства» и систему вассального подчинения ему всех народов мира, похожую на модель средневекового феодализма. При этом поддержание мирового порядка будет обеспечиваться за счет концентрации населения в городах, массового распространения цифровых технологий, повсеместного внедрения систем «умного города», «умного дома», «умного производства» и др., позволяющих обеспечить тотальный контроль как над общественной, так и над частной жизнью каждого человека [Burdon 2020].

Демократические институты будут подменены псевдодемократическим получением «обратной связи» от населения, при которой обмен мнениями подменяется сбором данных и подсчетом количества «откликов» [Turning... 2022].

Однако есть и другой путь развития, о котором писал еще В. И. Вернадский, путь, при котором человечество воспринимается как единое целое, а эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей. При этом определяющим фактором развития должна стать разумная и ответственная деятельность людей, направленная на перестройку биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого.

Это подразумевает несколько важных моментов. Прежде всего – отказ от неолиберальной идеологии как единой концептуальной основы развития всего человечества. Отказ от западоцентричного понимания «устойчивости» и «развития» в интересах исключительно глобального Севера, формирование «цивилизационного государства» [Спиридонова 2022] и нового геосферного мышления [Чумаков 2022].

Планета Земля действительно должна восприниматься как общий дом, в котором все процессы едины и взаимосвязаны. В то же время инструменты и способы управления этим домом могут быть самыми разнообразными, основанными на духовных, религиозных и культурных традициях и практиках всех цивилизаций, населяющих Землю. В данном сценарии путь к разумному и ответственному развитию человечества лежит через диалог цивилизаций, взаимоуважение всех народов, обмен традиционными знаниями и практиками гармоничного сосуществования человека и окружающей его среды, а также поиск общих духовных ценностей и формирование на их основе единой общечеловеческой идеологии ответственного развития, основанной на общих для основных мировых религий этических нормах и самоограничениях. Этот поиск общих духовных ценностей позволит преодолеть преграды на пути формирования планетарного мышления, о которых пишет А. Н. Лебедев [2022]. В этом случае глобальное управление планетой должно строиться на демократических принципах (основанных на традиционных этических нормах) и организовываться по сетевому принципу, обеспечивающему как устойчивое функционирование отдельных ячеек сети (цивилизаций, наций, государств и др.), так и быстрое и эффективное их взаимодействие для решения общих задач. Одновременно будут меняться и функции государственного управления на национальном уровне [Ловецкий, Самылов 2022]. Такая система позволит всему человечеству превратиться в единый живой организм, где каждый отдельный орган выполняет свои функции, а все органы в целом работают согласованно, не подавляя друг друга.

Безусловно, реализация данного сценария требует сложной ментальной и ценностной перестройки, формирования новой общечеловеческой идеологии, опирающейся на традиционные ценности, а также институциональных механизмов, обеспечивающих равноправный диалог между представителями разных цивилизаций.

Однако, как представляется, при всей сложности перехода на данный путь развития человечества определенные предпосылки для этого уже имеются.

Так, авторы [Turning... 2022] отмечают тенденцию к продвижению традиционных ценностей, которая характерна для большинства современных цивилиза-

ций (китайской, исламской, индуистской, латиноамериканской и африканской) и послужила не только укреплению их обществ перед лицом экспорта Западом либеральных социальных ценностей, но и народной поддержке тех правителей, которые открыто этому противостоят, стремясь сохранить суверенитет государства, сопротивляясь геополитическому давлению Запада в период однополярности.

При этом в разных уголках мира сохраняются традиционные и появляются новые практики гармоничного сосуществования человека и природы, формирования справедливого общества, в котором деньги не превращены в инструмент накопления и перераспределения богатства. И, что еще более интересно, в странах Запада люди пытаются формировать подобные практики и сообщества на низовом уровне с помощью цифровых технологий. В качестве примеров можно привести сохранившуюся по сей день на архипелаге Чилоэ (Чили) практику Минга (совместный труд жителей общины в качестве помощи тому, кто в ней нуждается, который проходит в форме игры или состязания и завершается совместным ужином с обязательным приглашением музыкантов) [Cabaña, Linares 2022], традицию обмена семенами между домохозяйствами в Африке и борьбу против навязывания западными компаниями требований по использованию исключительно сертифицированных (то есть произведенных этими компаниями) семян, приводящего к утрате местных сортов многих сельскохозяйственных культур [Strba 2017], экодеревни (экоальдеа) в Мексике, где под рентабельностью понимается не прибыль в денежном выражении, а чистая выгода для сообщества как целостной системы [Mogis 2022], расширение использования экономики совместного использования и подписок в США, разрушающее основу капитализма и теории свободного рынка – собственности, во всех сферах жизни (начиная от подписок на фильмы и музыку, обмена бытовыми приборами, книгами или инструментами и заканчивая временной арендой жилья) [Erdem 2020], а также система базового дохода Circles в местных сообществах в Германии, созданная на базе Ethereum, в основе которой лежит система доверия между жителями общины, готовыми обменивать свою виртуальную валюту на продукты и услуги соседей [A Decentralised...].

Что касается институционального каркаса межцивилизационного управления планетой, то основой для будущей системы может стать БРИКС. Страны БРИКС демонстрируют свою готовность выстраивать эффективную модель мирового порядка, стараясь делать это неконфронтационным способом. Все страны – участницы объединения опираются в своей политике на различные варианты концепции мирного сосуществования.

Так, Китай возвел концепцию мирного сосуществования в статус основополагающего принципа международных отношений после военной интервенции НАТО в Косово в 1999 г. и предложил ее в качестве альтернативной концепции американскому «неоинтервенционизму». В Индии концепция мирного сосуществования была преобразована из ее первоначальной версии («Пять принципов») в концепцию «Весь мир как одна семья», которая отвергала саму идею гегемонии какого-либо одного государства. Формально доктринальные документы внешней политики Бразилии перестали упоминать концепцию мирного сосуществования в 1960-х гг., однако реальная международная политика государства соответствует

этому принципу. В Южной Африке принцип мирного сосуществования в форме концепции Ubuntu был официально признан в Белой книге по внешней политике 2011 г. Эта концепция была определена как «уважение ко всем государствам, нациям и культурам». В Концепции внешней политики РФ (утв. Указом президента РФ от 31.03.23 г. № 229) отмечено осознание Россией ее особой ответственности за поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях. Внешняя политика России носит миролюбивый, открытый, предсказуемый, последовательный, прагматичный характер, основанный на уважении общепризнанных принципов и норм международного права и стремлении к равноправному международному сотрудничеству в целях решения общих задач и продвижения общих интересов.

Кроме того, БРИКС уже показал, что страны с различными экономическими и социально-политическими системами и даже противоречащими друг другу интересами (например, Китай и Индия) могут мирно сосуществовать и даже реализовывать совместные проекты, например в области разработки технологий противодействия изменению климата.

Хотя БРИКС пока еще не имеет институционального характера и скорее является дискуссионным форумом, тем не менее это объединение уже сформировало свой имидж альтернативной модели мироустройства, основанной на принципах и правилах межгосударственного сотрудничества, исключающих дискриминационные и иерархические типы отношений, а значит – потребность в насилии для поддержания чьей-либо гегемонии. Соответственно, одно это уже может позволить сделать мир более устойчивым, а отношения между разными странами – более гармоничными.

Литература

Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. № 18. Вып. 2. С. 113–120.

Коданева С. И. Брекзит: сепаратизм, популизм и социальная трансформация британского общества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 98–117.

Лебедев А. Н. Феномен ценностной поляризации и проблема планетарного мышления // Век глобализации. 2022. № 1. С. 126–138.

Ловецкий Г. И., Самылов П. В. Глобализация, квантовая физика и новые функции государственного управления // Век глобализации. 2022. № 1. С. 100–110.

Спиридонова В. И. «Цивилизационное государство» как вызов однополярной глобализации // Век глобализации. 2022. № 1. С. 29–41.

Чумаков А. Н. Геосферное мышление как условие осознания целостности мира и предотвращения войны // Век глобализации. 2022. № 2. С. 3–18.

Шестая глобальная экологическая перспектива. Б. м. : ЮНЕП, 2019.

A Decentralised Universal Basic Income Platform Based on Personal Currencies. Whitepaper. URL: <https://handbook.joincircles.net/docs/developers/whitepaper/> (дата обращения: 12.05.2023).

Arsel M. *The Myth of Global Sustainability: Environmental Limits and (De)Growth in the Time of SDGs*. The Hague : International Institute of Social Studies of Erasmus University Rotterdam (ISS), 2020.

Burdon M. *Digital Data Collection and Information Privacy Law*. New York : Cambridge University Press, 2020.

Cabaña G., Linares J. *Decolonising Money: Learning from Collective Struggles for Self-determination* // *Sustainability Science*. 2022. Vol. 17. Pp. 1159–1170.

Cusato E. *The Ecology of War and Peace. Marginalising Slow and Structural Violence in International Law*. Cambridge : Cambridge University Press, 2021.

Erdem O. *After the Crash Understanding the Social, Economic and Technological Consequences of the 2008 Crisis*. Cham : Springer, 2020.

Global-Local Tradeoffs, Order-Disorder Consequences “State” No More an Island? / ed. by I. A. Hussain. Cham : Springer, 2022.

Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022.

Hardin G. *Lifeboat Ethics: The Case Against Helping the Poor* // *The Hastings Center Report*. 1975. Vol. 5. No. 1. P. 4.

Hickel J., Kallis G. *Is Green Growth Possible?* // *New Political Economy*. 2020. Vol. 25. No. 4. Pp. 469–486.

Kaul S., Akbulut B., Demaria F. *Alternatives to Sustainable Development: What Can We Learn from the Pluriverse in Practice?* // *Sustainability Science*. 2022. Vol. 17. Pp. 1149–1158.

McAdam J. *Moving Beyond Refugee Law: Putting Principles on Climate Mobility into Practice* // *International Journal of Refugee Law*. 2022. Vol. 34(3–4). Pp. 440–448.

McElligott M. *A Framework for Responsible Solar Panel Waste Management in the United States* // *Oil and Gas, Natural Resources, and Energy Journal*. 2020. Vol. 5. No. 3. Pp. 475–513.

Morris O. *How Ecovillages Work: More-than-Human Understandings of Rentabilidad in Mexican Ecovillages* // *Sustainability Science*. 2022. Vol. 17. Pp. 1235–1246.

Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development. N. p., 1987.

Sharlamanov K. *Populism as Meta Ideology*. N. p. : Springer, 2022.

Strba S. I. *Legal and Institutional Considerations for Plant Variety Protection and Food Security in African Development Agendas: Solutions from WIPO?* // *Journal of Intellectual Property Law and Practice*. 2017. Vol. 12. No. 3. Pp. 191–205.

Turning Points of World Transformation New Trends, Challenges and Actors / ed. by M. Lebedeva, V. Morozov. N. p. : Springer, 2022.

Van de Graaf Th., Overland I., Scholten D. J., Westphal K. *The New Oil? The Geopolitics and International Governance of Hydrogen* // *Energy Research & Social Science*. 2020. Vol. 70(2). 101667.